

Максим Варгин

Молочные реки —

Кисельные

берега

кисельные

Максим Варгин

**Молочные реки –
кисельные берега**

«Автор»

2025

Варгин М. В.

Молочные реки – кисельные берега / М. В. Варгин — «Автор», 2025

2071 год. Уровень развития техники намного превысил уровень развития человека, а уровень развития «умной» техники – намного превысил уровень развития человечества, поставив последнее на грань простого сожительства. Космос за ненадобностью забыт, летающих машин так и не придумали, а теперь уже и некому. Телевизоры более не являются роскошью, и их не требуется покупать. Теперь их насильно выдают согласно законодательству из расчёта: не менее одного телевизора на каждого члена семьи или по одному экземпляру на каждые 20 м² занимаемой жилплощади. Рекламное время на телевидении теперь стоит так дорого, что рекламодатели вынуждены покупать его вскладчину, объединяя в одном ролике сразу несколько рекламируемых продуктов. Сельское хозяйство заменила бытовая химия, образование – интернет, а деревенские жители в связи с отсутствием работы, асфальта и необходимости все переехали в города. И лишь всеобщий бардак сохранился в неприкосновенном первозданном виде...

© Варгин М. В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	21
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Максим Варгин

Молочные реки – кисельные берега

Глава 1

20 июля. Понедельник. 8 часов утра. Москва. Останкино. Кабинет главного режиссёра рекламной продукции.

– Да-а... – протяжно выдохнул режиссёр и, покачав головой, небрежно отбросил сценарий в сторону. – Ахинея, я вам скажу, наиполнейшая. Кто только... впрочем... Эльза! – обратился он уже к своей ассистентке. – Как у нас там дела продвигаются?

– Всё готово, Сильвестр Иванович, – бодро отрапортовала ассистентка. – Только вас и ждут. Петрухин разве что задерживается – там у него какие-то проблемы с самолётом. То ли оторвалось что-то, то ли вырвалось, то ли он сам чего-то там вырвал. Я ничего не поняла...

– Ладно, ладно, – обречённо буркнул режиссёр. – Чёрт с ним, с Петрухиным, хотя, честное слово, за такие сценарии лучше бы у него что-нибудь вырвать. Кстати, если до этого дойдёт, то можете на меня полностью рассчитывать.

Ассистентка загадочно улыбнулась, словно идея эта ей и самой не раз приходила в голову, но развивать тему не стала.

– Когда начинаем, Сильвестр Иванович?

– Да, да... сейчас, – нехотя кивнул режиссёр. – Поезжай, скажи, что через пять минут... А я... я сейчас... кофейку только, с вашего позволения... ужасная ночь...

Ассистентка, кивнув, выкатилась, а Сильвестр Иванович тяжело встал со стула, потянулся и, бормоча под нос воинственные проклятья, направился к кофемашине, которая, по всей видимости, уже ожидала его визита и с готовностью поприветствовала приятным женским голосом.

– Доброе утро, Сильвестр Иванович. Не желаете ли попробовать наш новый чудесный напиток «Чимбо-намбо»?

– Иди к чёрту! – нагло перебил кофемашину режиссёр и приложился кулаком ей по макушке. – Сделай мне как обычно.

Машина, наверняка, расстроилась, но обиды не выказала, а принялась отчаянно булькать, шипеть и подёргиваться под любимую Сильвестром Ивановичем песню...

Сказать по правде, никакой любимой песни у Сильвестра Ивановича и в помине не было, просто, заполняя в глобальнейшей паутине свой «Обязательный персонификатор личности», он то ли по глупости, то ли по недоразумению указал в графе «любимая песня» гимн Северной Малайзии. Нечего и говорить, что с тех пор он жутко возненавидел и саму Северную Малайзию, и северных малайцев, и всё, что с этим связано или хотя бы начиналось на ту же букву. А поскольку выслушивать данный гимн приходилось по сотне раз в день, он уже серьёзно задумывался над приобретением «интеллектуальных затычек для ушей» с функцией «чёрный список прослушивания».

А кофемашина, видимо, и сама недолюбливала ни в чём не повинных малайцев и приблизительно на втором куплете прервала вещание, перестала кривляться, задумалась и всё тем же приятным голосом заявила, что операция по приготовлению «капучино» не может быть осуществлена ввиду отсутствия таблеток молока.

– Тьфу ты! Чтоб тебя! – нервно выругался Сильвестр Иванович и как есть сплюнул на пол. А потом ещё и робота уборщика плевков ногой отпихнул.

Тот, конечно, возмутился. Что-то там про гигиену... про эпидемиологический порог... про культуру воспитания, наконец, но Сильвестр Иванович его и слушать не стал.

– Что!?! Молока нет? Тогда какого чёрта ты мне тут... Ты что, сразу не могла сказать, что его нет?! А? И почему не заказала молоко заранее?! – заорал он на кофемашину. – Или ты только языком трепать умеешь!..

– Молоко я заказала ещё утром, – спокойным и оттого ещё более раздражающим голосом оппонировала кофемашина. – Но ввиду форс-мажорных обстоятельств мой заказ задерживается. Ориентировочное время ожидания доставки – два часа девятнадцать минут.

– Чего!?! Да ты издеваешься, что ли!?! Предлагаешь мне подождать? Мне что, по-твоему, заняться больше нечем? И, к тому же, почему ты заказала молоко только утром? Или что?.. Мозгов не хватило с вечера заказать?..

– Заказывать молоко вчера вечером не было необходимости, – перебила кофемашина. – На момент отключения в 22.17 в контейнере оставалось восемь таблеток супермолока. Этого достаточно для приготовления четырёхсот порций капучино...

– Да что ты мне лапшу на уши вешаешь! Хочешь сказать, что за ночь тебя обокрали? Или какой-то кофеман... Тьфу! Чтоб тебя! С кем я вообще разговариваю... железка! Считать сначала научись, дура! – оскорбил напоследок кофемашину режиссёр и в расстройстве снова уселся на кресло.

Конечно, я бы не назвал инцидент с кофемашиной особой неприятностью, но, учитывая то, что за утро Сильвестр Иванович уже успел поругаться с холодильником, утюгом и сахарницей, то назвать начало дня удачным язык тоже не поворачивается. К тому же, кофе отчего-то захотелось с удвоенной силой.

Тяжело вздохнув, режиссёр снова поднялся с кресла и как ни в чём ни бывало подошёл к недавней обидчице.

– Ладно. Чёрт с тобой. Давай... чего там у тебя, «новый» ... сделай мне пару глотков. И сахара – две ложки.

На вид кофемашина мстить за оскорбления не собиралась, но разработчики её, видимо, предусмотрели и такой вариант, отчего та начала попросту тянуть время.

– Задача поставлена некорректно. Пожалуйста, уточните задачу...

– Да чтоб тебя! Чего там тебе не ясно? – тут же вспылil режиссёр. – Ты же сама мне только что предлагала какую-то там «тумбу-юмбу» ...

– Чимбо-намбо... – поправила кофемашина.

– Да хоть Чунга-чангу! Вот её и наливай!

– С этим как раз вопросов не возникает...

– Так какого чёрта тебе ещё нужно!?

– Не ругайтесь, Сильвестр Иванович, – пристыдила кофе-машина. – Давайте рассуждать логически. Вы попросили сделать вам пару глотков «Чимбо-намбо».

– Ну да, в принципе.

– Тогда, уточните, пожалуйста, объём одного вашего глотка...

– Сволочь! Ты мне что, специально нервы треплешь?! – не смог сдержаться режиссёр и с силой ударил по крышке. – А ну давай быстро свою тумбу-юмбу, а не то я, мамой клянусь...

– Заказ принят, – решила не доводить режиссёра до греха кофемашина и тут же принялась за работу.

Невесть откуда вылезший 3-D принтер в мгновение ока напечатал маленький зелёный стаканчик с жёлтыми цветочками, ложечку и сахар.

– Сахара – два! – вовремя заметил Сильвестр Иванович, что принтер собирается сэкономить на нём лишнюю таблетку сахара, и, пристыжённый, тот тут же исправил ошибку.

А кофемашина ответственно залила всё напечатанное какой-то мутноватой коричневой жидкостью. Ещё и наглости хватило приятного аппетита пожелать.

А у Сильвестра Ивановича за время ругани так сильно пересохло в горле, что не стал он дальше ругаться, а просто подхватил стакан и, осторожно понюхав, сделал небольшой глоток.

– Да чтоб тебя! – тут же на радость роботу уборщику выплюнул он содержимое рта на пол. – За что мы деньги платим?!

Скривив лицо в ужасающей гримасе, Сильвестр Иванович громко проплевался, вытер губы кулаком и, в связи с тем, что ему отчётливо послышалось, как кофемашина в глубине механизма захихикала, выплеснул содержимое стакана прямо ей в интерфейс. А потом и сам стакан запустил туда же... и ложечку.

– Ну всё! Моё терпение лопнуло! – заорал он на обидчицу, выдёргивая шнур из розетки. – Засужу, сволочь! У меня семеро свидетелей найдётся, видевших, как ты пыталась меня отравить...

– Я подтверждаю! – хитро подлизался из кармана видеокоммуникатор, за что сразу же схлопотал по дисплею.

– А с тобой мы ещё дома поговорим! – пригрозил ему Сильвестр Иванович и, снова усевшись в кресло, свистом подозвал ботинки.

Ботинки, естественно, не заставили себя ждать и, весело жужжа и виляя шнурками, подъехали к хозяину.

– Вот! Единственная умная вещь в этом мире, – одарил он ботинки комплиментом и вставил в них ноги, скинув тапочки.

Датчики изменения объёма тут же привели в действие шнурочно-затягивающее устройство, и в знак готовности ботинки трижды помигали зелёной лампочкой.

– Уточните, пожалуйста, маршрут, – вежливо попросил правый ботинок, а на левом в ту же секунду высветился цветной дисплей с планом сорок первого этажа киностудии.

– Автономное ножное управление! – чётко скомандовал Сильвестр Иванович, и дисплей послушно отключился.

А тапочки тем временем сочли свою миссию исполненной и, неспешно выстроившись в две шеренги, медленно поползли к месту своей дислокации – под табуретку возле входа.

– Да-а, дожили, чтоб вас! И куда только этот мир катится... – выругался напоследок режиссёр и, не обращая внимания на дверь, пожелавшую ему счастливого пути, приподнял большой палец ноги.

Ботинки радостно зажужжали, выкатили из-под каблука маленькие колёсики на независимой пневматической подвеске и молча повезли хозяина на съёмочную площадку.

Многие, конечно, упрекали Сильвестра Ивановича в использовании допотопных отечественных ботинок марки «Лада «Крыжовник», но тот оставался непреклонен и каждый вечер отечески протирал их влажной тряпочкой и втыкал в розетку для подзарядки. А вот новые модели, особенно немецкие или японские, с интарсионными аккумуляторами, датчиками плоскостопия и прочими встроенными педикюляторами, его категорически не привлекали, а «система предотвращения переезда дороги на красный свет и не по пешеходному переходу» вообще вызвала дикое раздражение.

Другое дело его старенькая модель. Конечно, интеллектуальные стельки и в ней тоже присутствовали, но по счастливому стечению обстоятельств они сломались уже на второй день проката, вследствие чего ботинки не могли: ни учить жизни, ни спорить, ни просто поболтать по душам. Просто тупо выполняли свои обязанности.

Выехав в коридор, Сильвестр Иванович несколько успокоился. В конце-то концов, сколько же можно тратить нервы на бессмысленные пререкания с убогими бездушными механизмами, общающимися детерминантными алгоритмами. В его жизни и без того хватало хаоса. Жена – лентяйка, сын – оболтус, со всеми вытекающими последствиями.

Первая из всех житейских навыков умела пользоваться и умело пользовалась лишь приготовлением пищи, что, в общем-то, и умением теперь назвать нельзя. Невелика, знаете ли, заслуга залить кипятком пару таблеток картофельного пюре и добавить туда полтюбика коп-

чёной свинины в Вустерском соусе или напечатать на пищевом принтере омара, идентичного натуральному, или арбуз без косточек.

Вообще, в последнее время роль домохозяйки, да и женщины в целом, как-то... ослабла, что ли, утратилась. Как-то сама собой, медленно, едва заметно, но с ожесточённым упорством, достойным первооткрывателя, изжила сама себя. Всевозможные механизмы, приспособления, роботы постепенно лишили женщину её вотчины, вытеснив сначала из кухни, потом из комнаты, а потом и из ЗАГСа. Даже в святой святых – спальне ей тоже отыскалась замена.

Конечно, после «Юбочной революции» 2063 года, когда миллионы женщин всего мира с оружием в руках отстаивали своё право на деторождение, бессовестно отобранное у них компаниями «Генно-моделируемого планирования наследственности», их роль в современной реальности несколько повысилась, но чёрный рынок рекомбинантных яйцеклеток продолжал воевать не на их стороне и, что удивительно, всё чаще и чаще находил поддержку в среде самих женщин, не желавших тратить время своей молодости и сантиметры своей талии на воспроизводство потомства. Так и перешла женщина в одном понимании в предмет потребления, а в противоположном понимании – в предмет злоупотребления, отдавший лучшие годы своей жизни какой-то сволочи.

Но, что, пожалуй, самое страшное, так это то, что и то и другое понимание давно уже свыклись друг с другом и безропотно влачили своё существование (или в данном контексте «сожительство»), подчёркивая скорее имущественный (либо в данном контексте как раз «не» имущественный) характер.

Однако дальнейшие размышления на эту тему считаю тупиковыми, ибо ни желания, ни средств обзавестись новой кибернетически программируемой супругой у Сильвестра Ивановича не возникало.

С сыном, пожалуй, проще. Изредка тот напоминал о своём существовании, выходя из своей комнаты со словами: «Какой сегодня день недели?.. Чёрт!.. Что же вы мне раньше не скажали!..» Далее, как правило, он забежал на кухню, наскоро запихивал в рот пластинку жареной курицы или свинины, даже не замачивая её в кипятке, как делают все нормальные люди планеты. Или, как вариант, хватал с полки целый пузырёк пельменей и солонку майонеза, после чего снова скрывался в дебрях своей паутины.

Последний раз Сильвестр Иванович видел сына, кажется, во вторник. Тот пробежал мимо по естественной надобности, но уборная оказалась занятой, и сын спокойно отправился обратно в свою комнату. По крайней мере, до следующего утра он оттуда не выходил, оставив Сильвестра Ивановича в замысловато застенчивой комбинации извилин, пытающихся отгадать, на какие ухищрения пошли разработчики, дабы умудриться облегчить саму систему облегчения...

Кстати, об уборной...

Проезжая мимо «Комнаты утилизации естественных отходов жизнедеятельности человека», Сильвестр Иванович вдруг ощутил лёгкое напряжение в области электромагнитного гульфика и решил утилизировать некоторое количество жидкости. Он, было, уже протянул руку к тактилоскопической рукоятке двери, как неожиданно расслышал за ней знакомый баритон финдиректора Вяземского, отчаянно матерившегося с унитазом.

К сожалению, из-за огромного количества непотребных слов разобрать сам предмет дискуссии оказалось невозможным, но что абсолютно точно, так это то, что желание облегчиться абсолютно добровольно уступило место возможности потерпеть.

Тяжело вздохнув, Сильвестр Иванович приподнял большой палец ноги и без приключений добрался до съёмочной площадки.

Глава 2

Лишь приоткрыв дверь, Сильвестр Иванович тут же провалился в безжизненное пространство, и даже сама дверь, радостно поприветствовавшая его появление, на мгновение показала неким порталом в пустоту и безмолвие.

Впрочем, объяснение безмолвию оказалось достаточно простым, если не сказать, обычным. Оператор Парамонов устроил очередное представление, а точнее, опять безуспешно издевался над новым японским пылесосом с измерителем концентрации взвешенных частиц, спектрофотометром и двухметровым телескопическим манипулятором. Хотя, не стану лукавить, в этот раз он был близок к успеху.

Сначала, в качестве разминки, он просто лужгал семечки и наотмашь разбрасывал кожурки по всей студии. Робот-пылесос с лёгкостью выявлял каждый элемент загрязнения и без труда избавлялся от мусора.

Тогда Парамонов усложнил задачу и накидал шелухи в припаркованные у двери тапочки, чем едва не вызвал у пылесоса паралич, так как для наведения порядка тому пришлось срочно связываться по спутнику с разработчиками и выпрашивать инструкций по новым вводным данным.

Но венец операторского коварства, как оказалось, крылся в ином. С лукавой и, прямо скажем, идиотской улыбкой Парамонов взял, да и самым наглым образом подложил в ворох шелухи одну неразгрызенное семечко.

Вот тут-то и началась тишина, ибо с подобной проблемой не сталкивались даже разработчики.

Однако отдадим пылесосу должное. Он долго сканировал интересующий предмет при помощи гамма-излучения и наконец-то додумался прибегнуть к радиоизотопному иммуноферментному анализу, который без особого труда выявил в исследуемом материале признаки наличия альфа-токоферола, а также фитостерола и пуриновых оснований, что в свою очередь определённо свидетельствовало о белковом происхождении продукта и, стало быть, позволило отнести данный предмет к разряду элементов питания, не подлежащих утилизации.

Дальнейшие манипуляции сложностей не составили. Выставив вперёд манипулятор, пылесос ловко подхватил неразгрызенное семечко, приподнял, избавился от прочего мусора, а предмет питания продезинфицировал и водрузил на прежнее место.

Затем, правда, у пылесоса возникли некоторые сомнения. Повторно проанализировав анализы первичного сканирования, он снова вернулся к семечку и слегка поправил его местоположение остриём на полтора градуса южнее, после чего под всеобщие аплодисменты удалился к себе под стол.

– Опять ерундой занимаетесь, – из-за спины поприветствовал аплодирующих коллег режиссёр, хотя и сам с не меньшим интересом наблюдал за представлением.

– Так, это... воспитываем, – тут же ловко оправдался Парамонов. – Надо ж кому-то...

– Вы б лучше кофемашину мою перевоспитали, а ещё лучше язык у неё вырвали, а то, знаете ли... – Тут режиссёр нервно зашмыгал носом, наморщился и прыснул: – А-а... пчхи!

– Будьте здоровы! – хором отреагировала съёмочная площадка, но Сильвестр Иванович только рукой махнул.

– Чёрт! Кажется, аллергия начинается на отсутствие пыли.

– Вот возьмите, – тут же подключилась к проблеме молоденькая костюмерша и протянула режиссёру какой-то серенький баллончик.

Сильвестр Иванович посмотрел на спасительницу с благодарностью, но вовремя опомнился.

– Что это? – с опаской поинтересовался он, заметив на баллончике зелёный улыбающийся череп с перекрещёнными костями.

– Экстракт пыли, – удивилась недогадливости режиссёра костюмерша и выражение лица состроила соответствующее. – Идентичный натуральной, – благоговейно заверила она. – Вы, кстати, когда последний раз брызгались?

Теперь Сильвестр Иванович посмотрел на спасительницу скорее с сочувствием, нежели недопониманием.

– Миллочка, последний раз я брызгался в неконтролируемом детстве, – спокойным покровительственным тоном решил отшутиться Сильвестр Иванович, понимая, что любые другие объяснения невозможны без оскорблений. – Уберите. А лучше выбросьте в расщепитель.

Достав из кармана платок, он молча вытер лицо и, быстро абстрагировавшись от прошедших проблем, осмотрел студию.

– Ну что, приступим?.. Артистка готова?

– Я всегда готова, – звучным баритоном ответил какой-то рыжебородый мужик, с ног до головы обвешанный всевозможными датчиками. Особо непрезентабельно смотрелись два надутого шарика на его груди, а датчики на шариках – вообще вульгарно.

– Замечательно, – не заметил изъянов Сильвестр Иванович, признав в бородаче народного артиста Сидоровского. – А я вас, Апполинарий Савельевич, признаться, и не узнал в таком наряде.

– Богатым буду, – высокомерно отрезал народный артист и принял фотогеничную позу.

– Ладно, как скажете, – не стал подсчитывать чужие деньги режиссёр и попросил включить монитор.

Монитор, естественно, тут же был включён, и на экране в фотогеничной позе отобразился Сидоровский.

– Есть картинка, – подтвердил режиссёр. – Монтируй образ.

– Понял, – спокойно ответил оператор и вдавил какую-то клавишу.

В тот же миг на месте народного артиста на экране появилось туповатое существо с выпученными глазами и приплюснутыми губами, в котором все сразу же признали дочку генерального директора Афродиту.

– Ну, так вроде бы всё нормально, – одобрил образ Сильвестр Иванович и улыбнулся народному артисту. – Апполинарий Савельевич, подвигайтесь, пожалуйста...

Апполинарий Савельевич вальяжно сменил одну фотогеничную позу на другую, и то же в точности исполнила на мониторе Афродита.

– Да! Всё замечательно, – одобрил движение режиссёр. – Вот только... Майкл Матвеевич, а Вы ей какой размер груди надули? А то в прошлый раз она жаловалась, что грудь у неё получилась какая-то маленькая, а талия как раз наоборот – большая.

– А я знаю, что ли? – развёл руки в стороны реквизитор. – По пять выдохов на шарик. Это какая получается?

– Да чёрт её знает! Вы меня об этом спрашиваете? – вытаращил глаза режиссёр. – Ладно! Сойдёт! Передувать не будем, а вот датчик талии немного поправь.

– Да хоть вообще уберу, – охотно согласился поправить талию оператор и сместил датчик сантиметров на десять к центру.

– Ну, это уж перебор, – тут же вставила своё слово костюмерша. – С такой талией её сквозняк пополам переломит.

– Да, да, пожалуй, – подтвердил вред сквозняков Сильвестр Иванович. – Фредди, поправь обратно.

– Ну, знаете ли! То туда, то сюда, – сделал недовольный вид Фредди и, переставив датчик на пять сантиметров вверх, исподтишка улыбнулся.

– Да не туда... левее... правее... – наперебой подключились к проблеме остальные. – Чуть-чуть понижее... повыше...

– Знаете что! Сами сначала определитесь! – прекратил опыты Фредди и вопросительно расставил руки вместе с датчиками в стороны.

Образ Афродиты на мониторе в ту же секунду расплылся, обрюзг, обзавёлся одышкой и третьим подбородком. Даже народный артист прыснул от смеха и чуть не лопнул правую грудь.

Талию в конце концов всеобщими усилиями починили, но рабочее настроение пропало даже у тех, у кого оно ещё было.

– Фредди, – прохотавшись, погрозил пальцем Сильвестр Иванович, – ещё одна такая шуточка – и я тебя вместо Апполинария Савельевича поставлю.

– А это будет оплачиваться? – всё-таки пошутил Фредди и тут же привлёк на свою сторону костюмершу.

– А почему его? Тогда уж лучше меня. Я смогу.

– Ага! Щ-шас! Размечталась! – испортил карьеру костюмерше режиссёр. – Да чтоб вы знали, вот раньше, например, в начале века, чтобы заслужить право рекламировать, скажем, шампунь, необходимо было для начала олимпиаду выиграть или хотя бы чемпионат мира, а вот если ты выиграл только какой-нибудь Уимблдон, то так и будешь до конца жизни прокладку рекламировать. Так что амбиции свои засунули куда подальше и работаем. Чёрт! Уже полдесятого, а у нас ещё конь не валялся. Так! Давайте все по местам.

Народ нехотя разбрёлся по местам и, через пару минут прозвучала долгожданная команда «мотор... начали».

«К вам пришли гости, а вы не знаете, чем их угостить? – вождённым голосом сослащавил народный артист, приняв соблазнительную позу. – С новой мультипечкой «Муфель-фуфель» у вас никогда не возникнет таких проблем...»

– Фредди, название печки крупным планом, – подредактировал работу оператора режиссёр. – Вот так. Замечательно. Дальше!

«К примеру, возьмём всего одну таблетку идентичного натуральному супермолока торговой марки «Радость Бурёнки», – аккуратно двумя пальцами приподнял какой-то белый шарик Апполинарий Савельевич, – и ...»

Договорить он не успел. На мониторе что-то защёлкало, зарябило, и слащавое личико Афродиты моментально обросло густой рыжей бородой.

– Стоп! Какого чёрта! – резко вскочил режиссёр, обрушив на улыбающегося Фредди негодующий взгляд.

Фредди от неожиданности тоже привстал со стула, а народный артист выронил из рук молочный шарик, который немедленно закатился куда-то под стол.

– Опять твои шуточки! – набросился Сильвестр Иванович на абсолютно невиновного Фредди, но тот только руки в стороны развёл.

– Сильвестр Иванович, да я-то здесь причём? Это просто электромагнитные помехи. Дрон мимо пролетел. Наверное, опять Сачковский за женой своей через окно шпионит.

– Сачковский? – переспросил Сильвестр Иванович и покосился на виновато улыбнувшуюся ассистентку, однако сразу же поверил. – Да, пожалуй. Собственно, больше и некому. Ну, ничего. Мы с ним потом поговорим, а пока... Эльза! – окрикнул он ассистентку, а по совместительству законную супругу Сачковского. – Вот что, возьми здоровую палку и встань возле окна. Увидишь какой-нибудь летающий объект – сбивай к чёртовой матери! Всё поняла?

– Понятно, Сильвестр Иванович, – с удовольствием согласилась ассистентка и, как по мановению волшебной палочки, достала из-за занавески двухметровый углепластиковый шест.

– Ну и ладненько. Продолжаем. Все готовы?

– Готовы, – по очереди промямлили все, включая ассистентку с шестом.

– Хорошо. Тогда начали... Стоп! А где народный артист?

– Я здесь, – донеслось из-под стола. – У меня таблетка куда-то укатилась.

– Господи! Апполинарий Савельевич, да плюньте вы на эту таблетку! Возьмите другую, – расточительно посоветовал режиссёр, но на всякий случай уточнил: – У нас есть ещё таблетки?

– Там ещё семь штук – в коробочке, – ткнул пальцем на коробочку реквизитор, а Сильвестр Иванович указание продублировал:

– Да, да. Вон там, в коробочке, ещё семь штук... Стоп! подождите. То есть что получается? Что изначально их было восемь?

Режиссёр медленно перевёл взгляд на реквизитора и даже сам не заметил, как упёр руки в бока.

– А вы, Майкл Матвеевич, позвольте поинтересоваться, где их взяли? Ровно восемь штук... – заподозрил он реквизитора в воровстве.

Судя по резко втянувшейся шее и опущенным глазам, тот отпираться не собирался, хотя промямлил что-то в своё оправдание, мол, «больше нигде было... больше нигде не было... из-за этой аварии...» Но Сильвестр Иванович даже слушать оправдания не захотел.

– Какой к чёрту аварии! – моментально вскипел он. – У нас что? Мир перевернулся? Земля налетела на земную ось? Что ещё может заставить человека опуститься до банального воровства? В конце концов, разве нельзя было просто попросить?

– Да я хотел попросить, но вас не было, – скорее обиженно, нежели виновато оправдался реквизитор, и на его сторону тут же встали остальные.

– Сильвестр Иванович, он же как лучше хотел... для общего блага... это же просто таблетка...

А Сильвестр Иванович и сам прекрасно понимал, что раздувать скандал из-за таблетки молока – это верх безрассудства, но просто кольнуло что-то внутри, ёкнуло и отдалось гимном Северной Малайзии.

– Ладно, – моментально успокоился он. – Вы, Майкл Матвеевич, близко к сердцу не принимайте. Просто... просто знали б вы, какой мне скандал устроила кофемашина из-за этих самых восьми таблеток.

– Да я ничего... – согласился простить режиссёра реквизитор, но Сильвестр Иванович посчитал это лишним.

– Вот и славненько, – перебил он реквизитора и как ни в чём не бывало снова уселся на кресло. – Давайте продолжим. Все готовы?

– Готовы... всегда готовы... я её нашёл – она под стол укатилась... – по-пионерски отработовала съёмочная площадка, и уже через минуту творческий процесс начал продолжаться.

Вернее, начал, но сразу же перестал, потому как в ту же секунду входная дверь с грохотом отворилась, не успев даже пожелать запыхавшемуся Ромашкину доброго утра.

– Это правда?! – с порога обратился он ко всей аудитории и без малейшего стеснения кинулся обнимать онемевшую супругу. Он даже не заметил, как та испуганно переглянулась с оператором.

– Так! Стоп! – резко вскинул руку режиссёр и гневно привстал. – Да что за день сегодня такой?.. Ромашкин! Чтоб тебя! Какого чёрта ты здесь делаешь, ты же две недели как уволился! И вообще, как ты умудрился сюда пробраться через столько дверей? Тебя что? Ни один замок не остановил?..

– Пытались, – небрежно махнул рукой Ромашкин, не расцепляя объятий, – особенно на третьем этаже. Такой, зараза, дотошный попался... Так это правда? – на этот раз обратился он именно к супруге.

Слегка покрасневшая и удивлённая костюмерша нервно попыталась высвободиться из супружеских стисновений, но крепкие руки мужа сделать этого не позволили.

– Билл, ну пусти, я же на работе, – робко запричитала она и-таки выскользнула из объятий. – И вообще, что ты имеешь в виду?

– Да! Вот и нам уже интересно, – иронично подтвердил любопытство режиссёр, скрепя руки на груди. – И чего же у вас там такое случилось, что ты, Ромашкин, не только умудрился пробраться в закрытый охраняемый объект, но ещё и считаешь возможным отрываться столько людей от работы? Поделись. Если, конечно, это не государственная тайна.

– Да какая там тайна! – радостно расставил руки в стороны, Ромашкин. – Вы, Сильвестр Иванович, только на меня не сердитесь. Это ж... это я от радости... это ж... вот, смотрите.

Руки его, наконец, уменьшили амплитуду радости, а правая залезла во внутренний карман, пытаясь вытащить оттуда зацепившийся коммуникатор.

С третьей попытки попытка-таки увенчалась успехом. Ромашкин извлёк коммуникатор и дрожащим от волнения голосом приказал ему включиться в режиме проектора. На ближайшей стене тут же высветилась целая вереница каких-то сообщений, сопровождаемая кучей ссылок, таблиц и картинок.

– Ну, и что это? – на правах главного поинтересовался режиссёр, не спеша веровать в то, что Ромашкину за что-то присудили Нобелевскую премию.

Премия действительно оказалась ни при чём.

– Ну как же... – пальцем перелистал сообщения Ромашкин и под всеобщее молчание зачитал кучу поздравлений, связанных с грядущим пополнением семейства. Все они неизменно заканчивались предложением приобрести у них детскую кроватку с сигнализатором опрелости, универсальный подмыватель задниц или накладную женскую грудь идентичную натуральной с набором сменных сосков в комплекте, позволяющих кому угодно кормить ребёнка не только молоком, но даже и кашей. – Ну-у? Что вы на это скажете?

Слов действительно ни у кого не нашлось, заулыбались только и робко поаплодировали, а реквизитор ещё и по плечу похлопал, и руку пожал.

И только окончательно покрасневшая костюмерша не проронила ни единого слова. Глаза только выкатили и, скривив рот в непонятной глупой улыбке, потрогала свой живот.

Жест не остался незамеченным.

– Ну да, пожалуй... – согласился с поводом режиссёр и, простив Ромашкину вторжение, повернулся к его внезапно забеременевшей супруге: – А что ж это Вы, Милла Герасимовна, нас, так сказать, в неведении? Такую новость утаили. Уж не сглазить ли боялись?

– Да нет. Не боялась, – отстранённым голосом призналась костюмерша, так и не убрав руку с живота. – Просто, я сама ещё об этом не знала.

– Да ладно, помилуйте, быть такого не может, – не поверил режиссёр. – К тому же, Вам самой разве таких сообщений не присылают?

– Не знаю, – покачала головой костюмерша. – У меня выключен. Вы же сами всех заставляете во время съёмок все коммуникаторы отключать.

– Ну, да, – протяжно кивнул головой режиссёр, – запрещаю. И правильно делаю. А иначе мы никогда не закончим... да чего там! Мы и не начнём!.. А что это Вы Миллочка вся позеленели? Вам плохо?

А Милла Герасимовна действительно как-то осунулась, побледнела, словно от одного только известия о собственной беременности организм её впал в скоропостижный токсикоз.

– У-у, да я вижу... – заметил изменения в организме режиссёр и обратился уже к Ромашкину. – Билли, раз уж так получилось, что ты здесь, возьми-ка свою супругу и отвези к окошку – пусть свежим воздухом подышит, а заодно... Эльза, отдай, пожалуйста, палку Билли и объясни ему, что с ней делать. А мы, с вашего позволения, всё-таки продолжим, а то... Чёрт! Я уже не помню, на чём мы остановились.

«Возьмём таблетку супермолока...» – чуть ли не хором напомнила студия, и память к режиссёру вернулась.

– Ах, да. Именно. Таблетку молока... – заглянул Сильвестр Иванович в сценарий и счёл необходимым извиниться перед народным артистом за задержку.

– Вы уж, Апполинарий Савельевич, не сердитесь на нас. Понедельник, сами знаете, день тяжёлый, а тут ещё то одно, то другое. То ревнивец этот – Сачковский, то другое счастливое семейство... Прямо хоть бросай эту рекламу и переходи на съёмки сериалов.

– Ничего, ничего, – понимающе покивал головой народный артист. – У меня всё равно почасовая...

– Да-да, к тому же и оплачивает Вам Афродита Львовна лично, но ведь мне перед ней тоже отчитываться, так что... впрочем, ладно! не будем тратить время даром. Так! Все по местам.

Сильвестр Иванович снова вернулся в своё кресло, поёрзал по нему, собираясь с мыслями, и тут же вспомнил о важной отсутствующей детали.

– Людвиг Иванович, – обратился он к звукорежиссёру. – А что же это мы в тишине работаем? Музыкальное сопровождение к ролику утверждено?

– А как же! И утверждено, и переутверждено, и даже пере-переутверждено, – очнулся мирно дремавший за балюстрадой звукорежиссёр и, зевнув, прикрыл рот ладонью.

– В смысле? – не устроил такой ответ Сильвестра Ивановича. – Так у нас есть музыка?

– Конечно, есть! И даже слишком много...

– Да что Вы мне тут загадками... Есть... много... Есть, так включайте! И нечего мне голову морочить!

– Да я бы с радостью, Сильвестр Иванович, вот только какую? По сценарию у меня группа «Ню-Ню» с песней «Фаина», но Алибасов младший отказался платить – говорит, что это мировой хит, и что это не он, а ему должны доплачивать за использование его интеллектуальной собственности. В общем, поцапались они с Платоном Авдеевичем, а мне велено выбрать что-нибудь подходящее из нового.

– Ну так и выбирайте! Мне, откровенно говоря, глубоко плевать и на «Ню-Ню», и на «Сю-Сю», и вообще... занимайтесь каждый своим делом! Давайте! Чего там у Вас?

– Пожалуйста, – с готовностью отрапортовал звукорежиссёр. – Но, думаю, что Вам это не очень понравится.

Людвиг Иванович ткнул какую-то кнопку на микшерском планшете, и по всей студии разлилась до неприязни банальная мелодия, сопровождаемая хором голодных девочек, ущемлённых в сексуальных правах.

«Ты мой мучо, ты мой мачо
Приезжай ко мне на дачу.
Я тебя за это ночью
Прямо в щёчку отчмочу...»

– Так! Так! Стоп! Это – сразу отказать! – даже не дослушал припев Сильвестр Иванович и ладонью потёр округлившиеся глаза. Давай другую.

– Ну, вообще-то... – теряясь с мыслями, промямлил звукорежиссёр. – Это была самая приличная.

– А что значит в твоём понимании «приличная»? Это ты вот это называешь приличным?

– А что. Мне тоже понравилась, – донёсся от окна беременный голос костюмерши.

– Ну да, в принципе... – тоже согласился с мнением жены счастливый супруг.

И только народный артист всецело поддержал мнение режиссёра и наотрез отказался сниматься под такое сопровождение без удвоения гонорара.

А Сильвестр Иванович хоть и слыл на телестудии очень культурным и воспитанным человеком, но на этот раз откровенно не выдержал.

– Что? Понравилось? Да ужасней я слышал только гимн Северной Малайзии! Нет! Для рекламы «Ботекса» эта песня возможно и подойдёт, но у нас-то, напомню вам, мультипечка, молоко, чтоб оно неладно было, сантехника, ботинки повышенной проходимости...

– Извините, Сильвестр Иванович, – не дала доперечислить первую четверть рекламируемых продуктов Эльза Гавриловна. – Забыла Вам сказать. Самаркандский звонил и велел передать, что «Тойота» отменила заказ на ботинки повышенной проходимости...

– То есть, как это отменила?.. Что значит отменила?.. А мне, по-Вашему, что прикажете делать? Сценарий переписывать? – выпал из бытия Сильвестр Иванович, и тут же впал в небытие. – Я вообще уже ничего не понимаю! Мы вообще будем сегодня работать, или нет?

Режиссёр обхватил голову руками и, подсчитав убытки, с истошным выдохом откинулся на спинку кресла. А вот Парамонов в точности наоборот – вскочил как ошпаренный и, быстро подсчитав прибыль, задрал руку вверх.

– Предлагаю в качестве возмещения морального ущерба не возвращать им тот экземпляр, который нам выдали для съёмок! Я самолично обязуюсь изъездить их до полусмерти, выявить существующие дефекты и заявить рекламацию!

Режиссёр медленно опустил руки и, пытаясь определить, шутка это или наглость, наморщился.

– А что, простите, в Вашем понимании означает «изъездить до полусмерти»? И, собственно, чьей полусмерти? Вашей или ботинок?

– Ну, это я так – образно, – выпучил глаза Парамонов и аккуратно сгрёб со стола ненужный более реквизит. – Ну вот! Я так и знал! Один изъян я уже нашёл, – немедленно приступил он к выполнению обещаний.

– Какой ещё изъян? – тут же набросилась на него толпа завистников, и, внемля гласу толпы, Парамонов не без обиды разъяснил:

– Ну, это уже порядочное свинство! Мало того, что резина бэушная, так ещё и диски... на каком принтере они их печатали? И управление наверняка правопальцевое...

– Так! Всё! Хватит! Хватит уже на сегодня! – не выдержал режиссёр. – Одни шуточки у вас на уме! Как дети малые, честное слово!

Сильвестр Иванович привстал, проехался по студии, бормоча под нос какие-то проклятья, но, отдадим ему должное, быстро успокоился и пришёл в себя.

– Ну ладно. Отдохнули, и будет... Больше никаких шуточек, – последний раз предупредил он. – Собрались все, и работаем! Или, может, кому-то из вас зарплата не нужна?

– Нужна, – хором признались нуждающиеся, и улыбки с их лиц медленно улетучились.

– Вот и чудесненько. Теперь работаем без остановок, не взирая ни на что. Хоть наводнение, хоть пожар. Всем ясно?

– Ясно, – протяжно выдохнули все обречённые и медленно разбрелись по рабочим местам, а Сильвестр Иванович с глупой улыбкой обратился к народному артисту:

– Апполинарий Савельевич, Вы уж не взыщите, давайте с самого начала.

– Хорошо, – безразлично кивнул Апполинарий Савельевич и принял первоначально соблазнительную позу.

– Начали! – скорбным голосом скомандовал режиссёр, и процесс снова закрутился, завертелся и зажужжал.

«К вам пришли...» – успел обронить народный артист и сразу же угадал, потому что входная дверь не то чтобы открылась – она едва с петель не слетела.

– Да что ж это такое! Мне дадут сегодня!..

Сильвестр Иванович от злости даже привстал, однако вовремя признал в ворвавшемся финдиректора Вяземского и понизил тон.

– Платон Авдеевич, что случилось? Здравствуйте. Пожар?

Платон Авдеевич в знак приветствия тоже кивнул и сразу успокоил присутствующих информацией, что никакого пожара нет и что пожар начнётся гораздо позже – после землетрясения, которое он самолично устроит, если не найдёт этого вредителя киберинженера Поплавкова, который, сволочь, укомплектовал комнату утилизации отходов таким же сволочным унитазом.

Тут Сильвестр Иванович привстал и дружески приобнял финдиректора за плечо.

– Успокойтесь, Платон Авдеевич. К чему такие нервы? Поведайте лучше, что произошло.

Почувствовав поддержку, Платон Авдеевич как-то сразу остыл, обмяк и, сделав несколько шагов, сам уселся в режиссёрское кресло.

– Да ну его, Сильвестр Иванович. Честное слово, никаких нервов уже не хватает.

– Помилуйте, да что случилось-то?

Платон Авдеевич монотонно выдохнул, тряхнул головой, и только высоконачальственное положение не позволило ему плюнуть от досады на пол.

– Представляете, Сильвестр Иванович, утром сегодня моя собственная кофемашина чуть было не отравила меня какой-то там «тамбу-ламбой»...

– Ха! – истерично прыснул Сильвестр Иванович и схватился за живот. – Чудесненько! И Вас тоже? А я-то думал, что один такой идиот.

– Как? И Вы, Сильвестр Иванович? Вы тоже пробовали эту гадость?..

– Хэ! И в мыслях не было! – нагло соврал режиссёр. – Понюхал только и сразу же вылил, вернее, залил обратно в кофемашину!

– Вот чёрт! – от недогадливости осунулся Платон Авдеевич. – А я, Сильвестр Иванович, представляете, как дурак, потащил эту гадость в унитаз выливать.

– Ну и правильно сделали, Платон Авдеевич. Вот помяните моё слово, ей там самое место. Гадости этой... – В связи с занятостью собственного кресла режиссёр пододвинул к финдиректору стул и присел рядышком. – Я бы, откровенно говоря, на Вашем месте ещё и саму кофемашину туда запихал... и ещё много-много разной полезной гадости.

– Это уж точно, – и не подумал с этим спорить финдиректор.

– Абсолютно! – и не подумал спорить с финдиректором режиссёр. – Только что ж Вас так расстроило? Не стакан же кофе, хотя, согласен, что называть это «кофем» – это уж, знаете ли, чересчур...

– И не говорите, – безропотно согласился Платон Авдеевич. – До сих пор во рту этот... эта... Нет! И самое главное! Вылил, хотел смыть, а унитаз мне и заявляет: «Подождите, Платон Авдеевич, идёт анализ Вашей мочи...» Я ему, мол, это не моча, вернее, моча, но не моя, а кофемашины, а он: «Не нервничайте так, Платон Авдеевич, Вам нервничать нельзя, потому что в Вашей моче обнаружен повышенный уровень сахара...»

– Ага. А Вы, позвольте, сколько таблеточек кладёте на чашечку? – между делом поинтересовался режиссёр.

– Две, – машинально честно признался финдиректор. – А Вы?

– И я тоже две, – ответил честностью на честность режиссёр. – А вот если с конфеткой, то могу и без сахара.

– И я без сахара... если с конфеткой...

– Не отвлекайтесь, Платон Авдеевич. Так что там дальше?

– Дальше?

– Да. Дальше.

Платон Авдеевич поёрзал по креслу, растерянно огляделся по сторонам и, неуверенно вспомнив, на чём остановился, продолжил:

– Ага. Ну так вот. Я, значит, ему и говорю: «Отменяй, сволочь, приём немедленно!..»

– Простите, Платон Авдеевич, перебую, – прижал руку к сердцу режиссёр. – Какой, позвольте, приём? – озвучил недопонимание всей студии Сильвестр Иванович, но Платон Авдеевич тут же пояснил:

– Ну как же? Я же только что Вам... эта сволочь взяла да и записала меня на приём к эндокринологу на завтра. На 10 утра...

– На 10?

– На 10!

– Но позвольте, в 10 же у нас совещание...

– Вот и я про то... Тыфу ты! Да при чём тут совещание!? Сильвестр Иванович, не перебивайте меня! И так нервы на пределе.

– Так я, Платон Авдеевич, только...

– Вот и правильно! Не перебивайте! На чём уж я остановился?

– В 10 утра, – напомнил режиссёр.

– Правильно, – подтвердил финдиректор. – А унитаз, значит, мне и заявляет: «Платон Авдеевич, срочно сдайте дополнительную порцию... – сами понимаете чего, – а то... видишь ли, возникли подозрения...» Ну, честное слово, Сильвестр Иванович, вот тут уж я не выдержал и высказал этой сволочи всё, что о ней думаю.

– Да-а, понимаю, – искренне посочувствовал режиссёр, кивая головой. – А, позвольте спросить, каков же результат Вашей, так сказать, беседы? Приём-то удалось отменить?

– Да какое там! – огрызнулся финдиректор. – Эта сволочь... Эта сволочь меня ещё и к психиатру на четверг записала. Представляете? Нет! Они точно все сговорились! Все эти раковины, унитазы... А один на прошлой неделе вообще заявил, что в моём организме какая-то там непонятная генная мутация, таблетки купить предлагал... У меня, знаете, Сильвестр Иванович, от всех этих говорящих унитазов, утюгов, холодильников... ну ей богу, действительно скоро мутации начнутся.

– Ну, ну, ну... что Вы, голубчик. Успокойтесь, – поддержал мутанта режиссёр. – Ну, сказал. Подумаешь, сказал... В конце-то концов, Платон Авдеевич, Вы ж взрослый человек. Ну, не каждому же унитазу нужно верить. Тем более в Вашем положении. Вы ведь, если я не ошибаюсь, дедушкой стать собираетесь?

– Ах да, Сильвестр Иванович, Вы абсолютно правы. Сам понимаю, просто... ну сил уже никаких нет, это ж... форменный беспредел.

– И не говорите, Платон Авдеевич, – кивнул режиссёр. – Меня и самого моя собственная кофемашина так достала, что иной раз жить не хочется. Всё учит меня, воспитывает, словно я мальчишка какой-то. А какой я ей мальчишка? Мне скоро седьмой десяток пойдёт.

– Вот-вот, Сильвестр Иванович, и я про то, – согласился финдиректор. – Но это ещё цветочки. Мне Александр Львович на днях рассказывал, что его микроволновая печь, представляете, удумала агитировать его проголосовать за либералов, и это при том, что он законченный демократ. В общем, взял он эту печь и хорошенько промыл ей мозги в стиральной машине. Говорит, что в жизни не испытывал большего наслаждения, чем слушать, как обе машины между собою переругались.

– И правильно сделал! Давно пора! – порадовался за какого-то там Александра Львовича Парамонов и тоже присоединился к разговору. – Воспитывать их надо! Я, кстати, всегда об этом говорил. А иначе они не только на шею сядут, но и...

Тут вдруг оператора словно осенило и, хитро наморщившись, он повернул голову к окну.

– Ромашкина, – отвлёк он костюмершу от массажа живота, – а ты случайно сегодня не общалась с нашим общим белым другом?

Конечно, вопрос тут же был признан некультурным, некорректным и аморальным, что, впрочем, не освободило его от всестороннего общего интереса.

– Сильвестр Иванович... – попыталась было обрести защитника нравов покрасневшая костюмерша, но Парамонов и так обо всём догадался сам.

– Господа! – привлёк он всеобщее внимание. – Сдаётся мне, что унитаза-то у нас засланный!

– Как это?..

– Кем?..

– В смысле?.. – хором отреагировала съёмочная площадка, и оператору пришлось объясниться.

– А по мне так всё яснее ясного! Я, кстати, сразу заподозрил! Ну кто ещё, сами подумайте, мог раньше Милочки определить, что она беременна? И заметьте, какое коварство. Нет бы сперва порадовать будущую счастливую мамашу, так нет! Вместо этого этот диссидент оповестил производителей детских колясок, пелёнок, нянь... Так сказать, свежее мясо им предоставил...

– А ведь так и получается...

– Точно!.. – не раздумывая, согласились окружающие.

– Вот сволочь!..

И лишь финдиректор со звукорежиссёром изобразили на лице недопонимание.

– А я, простите, видимо, не в курсе, – виновато извинился Платон Авдеевич и озадаченно посмотрел по сторонам.

Когда суть вещей была финдиректору разъяснена, он не просто стал послушным адептом новой теории, но и с радостью возглавил клуб её проповедников.

– Пригрели змею на своей груди!.. – закончил он сантехоскорбления и, вытерев платочком лицо, откинулся на спинку кресла.

А вот Людвиг Иванович долго чесал затылок, не смея озвучить крамольную гипотезу, но в конце концов пытливость ума победила.

– А мне вот что интересно, – отвёл он взгляд в сторону. – Вот, сообщения эти они присылают мужу будущей мамы или... – звукорежиссёр нервно поёрзал по креслу и продолжил. – Или отцу будущего ребёнка? Уж согласитесь, что это могут быть совершенно разные люди.

Несмотря на всю справедливость поставленного вопроса, ответ на него захотели получить не все. Кое-кто даже обиделся.

– Ты на что намекаешь? – первым напомнил Ромашкин, что в руках у него достаточно длинная и достаточно прочная палка, отчего звукорежиссёр моментально вынужден был оправдаться.

– Нет-нет... я это... для себя... на будущее...

И вопрос был снят с повестки дня.

Однако неприятный осадочек всё-таки остался. По крайней мере, выражение лица, с которым Ромашкин посмотрел на супругу, не оставило в том никаких сомнений. У Милочки даже резко обострился токсикоз, и обозначились первые потуги на рвоту.

– О, боже мой, только этого нам не хватало, – первым заметил клинические признаки режиссёр и, обхватив руками голову, постарался оставить роботов-уборщиков без работы. – Ромашкин! Билли! Немедленно отвези жену куда следует.

Не знакомый с тонкостями женского организма Ромашкин моментально отставил в сторону палку и испуганно подхватил супругу под руку, но Милочка жестом отказалась от помощи и, заверив, что справится сама, выкатилась в необходимом направлении.

– Ты только это... в унитаз этого не делай! И в раковину, на всякий случай, тоже, – напутственно предостерег от необдуманных действий Парамонов, чем вызвал несправедливую бурю негодований. Ромашкин даже снова взял в руки палку.

– Да я что? Я же для общего блага, – искренне прижал оператор руку к сердцу. – Мало ли чего эта тварь подумает, а ты бегай потом по больницам. Тебе это надо? – обратился он непосредственно к Ромашкину, и хватка в руках того ослабла.

– Мне? Нет, – недовольно буркнул Билли, но обсуждать это ни с кем не захотел и попросту отвернулся к окну.

А другие хоть и посмотрели на Парамонова укоризненно, но в уголках глаз всё равно прослеживалось желание улыбнуться.

И оно таки вылезло наружу, а дурной пример изошёл от, кого б вы думали? Платона Авдеевича. Тот временно забыл о своей вендетте и от души расхохотался.

– Да, весело тут у вас, – покачал он головой, привставая. – Но мне, вы уж извините, пора – дел невпроворот. Ещё и Поплавкова найти надо.

– Да, да, – тут же покивал головой Сильвестр Иванович и тоже привстал. – И нам надо делом заняться. А то, чувствуется, мы до утра ролик снимать будем.

– Ну, тогда не смею вас отвлекать. Уж извините... – он уже собирался попрощаться с дверью, как вдруг обернулся. – Кстати, Сильвестр Иванович, а Вы не забыли, что сегодня в три мы провожаем Николая Петровича на пенсию?

– Да как можно? Буду всенепременно! Как без меня? Всего Вам доброго... Супруге от меня привет передавайте...

– Обязательно! И Вы своей...

– Всенепременно...

– Счастливого пути, Платон Авдеевич, – последней попрощалась с финдиректором дверь и торжественно захлопнулась.

Сильвестр Иванович облегчённо вздохнул, но продолжить съёмку не позволила Милла.

– А кто такой Николай Петрович? – прищурившись, поинтересовалась она, и режиссёр счёл обязанностью на этот вопрос ответить.

– Ну как же? – округлил он глаза. – Старичок такой... на вахте сидит... сидел. На той неделе, кажется, в больницу увезли.

– А! Это тот, которого будить надо всегда, чтобы пройти? – сразу же вспомнил Майкл Матвеевич и угадал.

– Да. Точно! Последнее время он что-то сдал, – подтвердил Сильвестр Иванович и, сжав губы, многозначительно покивал. – А ведь когда-то был заместителем гендиректора.

– Вот те на! – тут же сощурился Парамонов. – Это что за кульбит такой? Не хотел бы я по такой карьерной лестнице...

– Не смейтесь, Фреди. Не смейтесь, – покачал головой режиссёр. – Вы для начала до его лет доживите... а вообще удивительной судьбы человек. Рассказывали, что он пришёл в Останкино сразу после армии и устроился вахтёром. А потом заболел охранник, и его сделали охранником. Потом, начальником охраны. Потом заболел реквизитор, и ему пришлось выполнять его функции...

– Ага, я, кажется, понял схему, – довольно кивнул оператор. – Последним заболел замдиректора...

– Фреди! – тут же осадил его Сильвестр Иванович и укоризненно покачал головой, но Парамонов только руки в стороны развёл.

– Сильвестр Иванович, просто Вы так рассказываете, что возникают смутные подозрения, что это он сам всех заражал. Вот только что же он остановился? Сейчас бы был...

– Нет! Подожди, – перебил его Людвиг Иванович. – Согласно твоей теории, последним должен был заболеть вахтёр...

Но прений по этому поводу не случилось. Сильвестр Иванович однозначно дал понять, что не потерпит подобных шуточек в своём присутствии, а особо недогадливым пояснил:

– Что касается так и не заболевшего гендиректора... не этого, правда, а предыдущего – Константина Лазаревича, так это их личное, я бы сказал, дело. Семейное! Поскольку дочь Николая Петровича, Летиция Николаевна, является не только нашим главным бухгалтером, но и законной супругой Константина Лазаревича. А, стало быть, шуточки с их семейством чреваты весьма и весьма неординарными последствиями. Кому-то что-то не ясно?

Сильвестр Иванович привстал, прокатился по комнате и принудительно заглянул каждому в глаза.

И вот, не поверите, как всего лишь один взгляд руководства напрочь дисциплинирует коллектив.

Да чего уж там! Даже пылесос, весело снующий до этого по студии в поисках незарегистрированной пыли, и тот бесшумно остановился и вытянул антенну, а кофемашина автоматически вошла в режим перезагрузки.

– То-то же! – участливо вздохнул Сильвестр Иванович и снова уселся в кресло. – Ладно. Будите Сидоровского. Работать надо.

И в студии снова настала рабочая обстановка.

Глава 3

Рабочая обстановка настала, но сразу же прекратилась...

И настроение куда-то подевалось, и вдохновение улетучилось, а, уж извините, желание работать – так оно у нас генетически не предусмотрено.

– Чёрт! – страшно выругался Сильвестр Иванович, когда повисшая пауза затянулась более допустимого. – Этот Платон Авдеевич со своим унитазом... Вся работа насмарку! А ещё и пенсионер этот...

Он снова встал, жадно проехался по студии, поочерёдно заглядывая в глаза каждому, и приблизительно между ленивым взглядом Людвиг Ивановича и тупым выражением Ромашкина решил объявить перерыв.

– А знаете, друзья, не испить ли нам чайку? А то, признаться, я что-то с мыслями никак собраться не могу. Майкл Матвеевич, Вы чайник починили?

– Ну, не то чтобы совсем починил... – понял намёк реквизитор и пошарил рукой в каком-то ящике, – но воспитательная работа с ним уже проведена.

– Ну, тогда давайте почаёвничаем.

– Это можно, – поддержал режиссёра коллектив, а Парамонов тут же приказал чайнику вскипятиться.

– Пш-пщ, бз-бжь, – воткнутом в динамик карандашом принял заказ чайник, воспарил в воздухе и запустил в содержимое себя микроволновое излучение.

– Мне зелёный... покрепче... если можно, – выразил Сильвестр Иванович свои пожелания Эльзе и, приткнувшись в кресло, закрыл лицо руками.

Пока чайник справлялся со своими обязанностями, звукорежиссёр с реквизитором ловко соорудили подобие стола, а Парамонов напечатал на принтере чайный сервиз, комплект ложечек и блюдецко для себя любимого.

– Я вот что думаю, – предположил он, закончив. – Это в отделе маркетинга колёса спёрли! Ну такой жадный народ в этом отделе! Надо бы ещё и аккумуляторы проверить – могли и их подменить...

Однако присутствующие наотрез отказались обсуждать бесчинства маркетологов, а взамен предпочли ознакомиться с выпуском новостей.

– Да что вы упёрлись в эти свои «новости», – попытался, было, воспротивиться Сильвестр Иванович. – Все новости, если угодно, я вам и так расскажу – они у нас последние пять лет вообще не меняются. Либо снос небоскрёбов, построенных чёрт знает как из чёрт знает чего ещё в начале века, либо отсутствие такой необходимости ввиду того, что какой-нибудь из них рухнул сам.

Но голос разума услышан не был.

– Так непонятно, чем там дело кончилось, – вопросительно скривил физиономию Майкл Матвеевич и, несмотря на лёгкий протест режиссёра, всё же включил телевизор. – Такие аварии, всё-таки, не каждый день случаются.

– Да что вам далась какая-то там авария, – попытался, скорее, пристыдить Сильвестр Иванович, но следом и сам уткнулся глазами в экран.

И было, знаете ли, отчего.

«Сегодня внимание всей планеты приковано к страшной трагедии, произошедшей в Нижегородском районе Восточного территориального округа города Москвы, – приятным женским голосом кофемашины увещевала аудиторию зеленоволосая ведущая новостей. – А виной тому стал огромный молоковоз, управляемый роботом-водителем и перевозящий двадцать шесть тонн суперконцентрированного суперрастворимого супермолока. Наш коллега первым

добрался до места катастрофы, и сейчас с нами на связи наш корреспондент Генрих Ивановский. Генрих...

– Да, Анжелина! Слышу вас прекрасно. Я, действительно, как уже было сказано, добрался до места аварии самым первым, и всё благодаря новым рестайлинговым ботинкам повышенной проходимости «Toyota RAV-5» с новой функцией построения обратного маршрута.

С новыми ботинками «Toyota RAV-5» вы никогда не заблудитесь! Они сами найдут дорогу домой!..»

– Подождите-ка! – тут же ткнул пальцем в экран звукорежиссёр. – Это что же получается?..

– Вот сволочи! – подтвердил его догадку Парамонов, и даже Сильвестр Иванович забыл о своей интеллигентности и тоже присоединился к проклятию.

– Теперь понятненько, почему Тойота отказалась от рекламы! Понятненько, кто вместо нас получил наши денежки! Ну и ушлый же народец в новостном отделе!..

– Вот-вот! Им бы только в отделе маркетинга работать! – поддержал режиссёра Парамонов, но развить тему не дал реквизитор.

– Да хватит вам! Дайте дослушать.

Глас был услышан, и вся аудитория, стиснув зубы, принялась почерпывать информацию дальше.

«Прекрасно, Генрих! Скажите, а уже известны подробности этой ужасной аварии? Генрих...

– Да, Анжелина! Мы со специалистами МЧС буквально только что просмотрели спутниковую видеозапись крушения, и подробности аварии теперь известны доподлинно. Сейчас у меня в руках как раз та самая запись, на которой отчётливо видно, как некий летающий чёрно-белый объект, очень похожий на лесную птицу, садится на крышу молоковоза и мощным клювом отклёвывает от антенны блестящий маячок системы спутниковой навигации...

– Какой кошмар!

– Да, Анжелина! Действительно, последствия этого необдуманного поступка катастрофичны! В отсутствие системы навигации робот-водитель не сумел справиться с управлением и на большой скорости протаранил ограждение моста через реку Волга. В результате, тридцатитонная махина рухнула с тридцатиметровой высоты прямо в воду и раскололась надвое! Необходимо отметить, что грузом данной машины являлись двадцать шесть тонн суперконцентрированного суперрастворимого супермолока, которое, естественно, тут же растворилось, отчего вода в реке сразу же окрасилась в белый цвет...

– Да, Генрих! Нам это уже известно. Более того, в соцсетях уже начали появляться злые шуточки, что реку Волга теперь переименовали в реку Белая, и таким образом Москва приблизилась к Уралу, но нас интересуют другие подробности. Скажите, уже удалось установить, что это было? Птица или всё-таки замаскированный под птицу летающий объект? Представители компаний перевозчика и производителя в один голос утверждают, что всё это происки конкурентов. Генрих...

– Да, Анжелина! Это действительно одна из основных версий произошедшего, к тому же, непонятным остаётся, как могла обычная лесная птица оказаться практически в центре нашей столицы. До ближайшего леса, я уточнял, около двухсот километров, впрочем, и эта версия сейчас тоже отрабатывается. В данный момент специалисты ФСБ пытаются отследить перемещение маячка, и, возможно, успех этой операции приблизит нас к пониманию, что всё-таки здесь произошло. Анжелина...

– Спасибо, Генрих. Ну а мы, уважаемые телезрители, будем держать вас в курсе дальнейших событий, и обо всех изменениях ситуации вы узнаете уже через полчаса после короткого выпуска рекламы...»

– Так, всё! Отключайте! Не могу больше на это смотреть, – первым не выдержал Сильвестр Иванович. – Кому интересно – дома досмотрите, об этом теперь целый месяц говорить будут, а у нас, осмелюсь всё-таки напомнить, ещё рабочий день не закончился.

– Да он, похоже, ещё и не начинался, – уместно пошутил Парамонов, но ни единой улыбки его шутка не вызвала.

– И ничего смешного, простите, в этом не вижу! – не распознал шутки режиссёр. – Авария ещё только началась, а от неё у нас уже столько неприятностей. Рекламодателя одного уже потеряли, и ещё непонятно, чем это закончится.

– Ну почему же это непонятно, – не согласился с руководством Парамонов. – Уж если хотите знать, чем там всё закончится, так спросите у меня. Лично для меня всё предельно ясно.

– И чем же? – робко встряла в разговор Эльза.

– Да уж известно чем! – ехидно шмыгнул носом оператор, сжал губы и выдержал уместную паузу. – Думаю, – поглядел он на часы, – уже минут через двадцать найдётся какой-нибудь ушлый предприниматель... или целая компания, которые возьмут из Волги воду, разольют по бутылкам и начнут продавать под видом натурального молока.

– Ну, уж это вы, знаете ли... – не смог скрыть улыбку Сильвестр Иванович, но ввиду исключительной правдоподобности принял на веру, хотя и несогласные тоже нашлись.

– Да! – замотал головой Людвиг Иванович. – Это ты перегнул! За двадцать минут никак не успеют. Полчаса! Не меньше!

– Так, всё! Достаточно! – решил покончить с данной темой режиссёр и даже привстал для этого. – Работаем! А то, ну ей богу... человека, опять-таки, задерживаем. Вы уж, Апполинарий Савельевич, не сердитесь. Сами понимаете, такое дело... а у Вас, кажется, правая грудь сдулась...

Тут все бесстыже осмотрели груди народного артиста и единогласно пришли к выводу, что так оно и есть. Само собой потребовалось некоторое время для того, чтобы додуть спустившуюся, потом приспустить передутую, снова додуть переспущенную и проверить результат наощупь. И ещё датчик приизолентить на место.

И лишь после этого рабочая обстановка начала возвращаться на съёмочную площадку. Даже съёмку продолжили.

«... к примеру, возьмём одну таблетку идентичного натуральному супермолока торговой марки «Бурёнкина зависть», – аккуратно двумя пальцами приподнял таблетку молока Апполинарий Савельевич. – И зальём её двумястами граммами чистой воды из многофункционального интеллектуального смесителя торговой марки «Водоворот» с электролизной системой полного цикла очистки и дистилляции...»

При этом народный артист с наиглупейшей улыбкой бросил таблетку в стакан, поставил его под кран и произнёс таинственное заклинание: «Питьевая. Двести грамм...»

Уставший от безделья кран радостно фыркнул, зажужжал, замигал всякими очень важными лампочками, затрясся и с силой выплюнул из своего жерла такой поток артезианской жидкости, что таблетка молока выпрыгнула из стакана, не успев раствориться.

– Стоп, стоп! – заорал Сильвестр Иванович и таки успел спасти от промокания сценарий, потому что напор воды, отлетая от раковины, замочил не только народного артиста, но и всю близстоящую бутафорию. – Выключите его немедленно!

– Я не знаю, как выключается! – испуганно закричал Апполинарий Савельевич, тщетно уворачиваясь от брандспойта. – У меня в сценарии этого нет! Кто-нибудь!.. Помогите!..

– Что значит «не знаю»? Скажите что-нибудь! Чего там нужно говорить? Кто-нибудь! Где инструкция?

– Она у Петрухина! А Петрухина нет! – обескуражила Эльза Гавриловна, спрятавшись за реквизит. – Он сценарий по почте переслал.

– Чёрт! – то ли выругался, то ли обозвал Петрухина Сильвестр Иванович. – Ну так выткните смеситель из розетки!

– Уже! – сходу отапортовал Парамонов, первым подключившись к проблеме. – Не помогает! Тут аккумулятор, сволочь! Не то, что в ботинках. Пароль нужен!

– Ну так пробуйте!

«Довольно!.. Хватит!.. Падла!.. Заткнись!.. Выключайся, сволочь!.. – наперебой заорали все вместе. – Изыди!..»

Не помогло.

Даже открытые угрозы – Эльза Несторовна прямо на глазах у крана вызвала сантехника, к результату не возымели.

Парамонов попытался было заткнуть отверстие пальцем, но да где уж там. В результате обрызгал ещё и Ромашкина, дававшего советы от окна.

И вот, когда терпение уже лопнуло окончательно и бесповоротно, когда взбешённый звукорежиссёр, оттягивая пальцами прилипшую к телу рубашку, визгливым голосом проорал: «Дайте мне что-нибудь тяжёлое!..», кран наконец-то заткнулся.

– Всё равно дайте мне что-нибудь тяжёлое и корявое! – не успел передумать Людвиг Иванович, а остальные его с радостью поддержали.

– Вот, держи, – первым откликнулся Ромашкин и протянул звукорежиссёру палку.

И даже Сильвестр Иванович возражать не стал, заявив, что это уже перебор, и что количество приключений на одно утро превышает предел его восприятия.

– Это уж точно! – не раздумывая, согласился оператор и протянул Людвигу Ивановичу откуда-то взявшийся молоток. – Вот! Только размахнись посильнее...

Но свершиться вандализму было не суждено – дверь радостно поприветствовала киберинженера Поплавкова, и тот, ухмыляясь, протиснулся в дверной проём.

– Ну что, вода перекрылась? – безразлично поинтересовался он.

– Да вроде бы, с божьей помощью, – снимая мокрый пиджак, процедил Сильвестр Иванович.

Однако Поплавков вмешательство потусторонних сил всецело отверг.

– А бог-то здесь причём? Вообще-то, это не он, а я вам воду перекрыл. Эльза попросила – я и перекрыл. А что у вас тут, собственно, произошло? И откуда столько воды?

– А это мы как раз у тебя хотели спросить! – тут же влез в разговор Парамонов, снимая мокрую майку. – Что у тебя всё через одно место работает? Ни пописать, ни руки помыть! Смотри, что твой кран натворил!

Оператор прямо мокрой майкой ткнул на причину всех несчастий и грозно упёр руки в бока.

– Твоя работа?

Но Поплавков и здесь оказался не виноват.

– А я-то здесь причём? – нагло усмехнулся он. – Я к этому крану никакого отношения не имею. Кстати, а кто его вам подсоединял?

Тут все посмотрели на реквизитора, который к тому же оказался самым сухим из всех.

– Ну, я подсоединял, – робко выдохнул Майкл Матвеевич и пожал плечами. – Я ж не знал, что он неисправный.

– Ну, это ещё вопрос, – не согласился с опережением событий Поплавков и аккуратно подъехал к мойке. – Я так понимаю, это «Водоворот» седьмого поколения с квантовым катализатором ректификации. Кстати, а какой тут у вас антивирус стоит?

– Кто? Чего? – искренне не понял вопроса режиссёр и наморщился. – Это у нас кран. Воду наливать!

– Понятно, – помотал головой Поплавков, тяжело вздохнул и потратил всю свою силу воли на то, чтобы не перейти на оскорбления.

Из внутреннего кармана он демонстративно медленно достал коммуникатор и посредством оптического кабеля закомутировал устройства.

– Хэ! – тут же недовольно фыркнул он, повернулся, укоризненно осмотрел присутствующих и ладони в стороны развёл. – И это вы называете «установил»? Да у вас даже Вай-Фай не подключён! И Пой-Дуй тоже? А драйверы? Где, вашу мать, драйверы? А это... мать твою!.. Ну, знаете ли, это уж вообще!.. Система охлаждения!.. Вы что? Сдурели, что ли?! Здесь же иммобилайтор на быстрых нейтронах!.. Вы что? хотите, чтобы рвануло тут всё?..

И пропорционально тому, как киберинженер высокомерно вытягивался в росте, сыпя направо и налево проклятия и оскорбления, остальная аудитория пристыжённо втягивала шеи и морщила брови. Кроме Парамонова, конечно. Оператор со свойственной тому принципиальностью донёс до собеседника информацию о том, что в белых тапках видал он и кран, и быстрые нейтроны, и их медленные аналоги, что тут же вызвало бурную дискуссию.

Суть дискуссии по сути никакой сути не имела, отчего акцентировать внимание на ней считаю излишним. Для краткости повествования ограничусь лишь списком перечисленных матерей.

Мать Парамонова – 8 раз.

Мать Поплавкова – 6 раз.

Матерь Божья – 1 раз.

Прочие матери – 19 раз.

Само собой, что кран в итоге был переустановлен согласно нормативным требованиям, инструкциям и рекомендациям организации по контролю над ядерными механизмами. Более того, агрегат был успешно протестирован и доукомплектован пробной версией антивируса Касперского.

А вот хлопнуть дверью у проклятого в седьмом поколении Поплавкова как есть не получилось. Дверь всё равно пожелала ему счастливого пути и воспользовалась механическим доводчиком.

– Киберинженер, а матерится, как сантехник! – бросил ему вслед Парамонов и победоносно выпрямил осанку.

– Да Вы, признаться, тоже... умеете, – кивнул головой Сильвестр Иванович и преглупо улыбнулся.

– Так с ними по-другому нельзя! Кстати... а чего это у нас уборщики бездействуют? Ну, ты!.. Чего уставился?! – гневно прикрикнул он на пылесос, но тот оставил реплику без внимания. Более того, быстро отсканировал наваждение, признал в том химическую близость с белковым продуктом и растерянно завис, связываясь с разработчиками.

А тут дверь снова открылась, и на пороге показалась отсутствующая Миллочка. Лицо её выражало, скорее, растерянность или недоумение, впрочем, симптомы её диагноза малоизучены и трудноопределяемы.

– А я уж хотел сам за тобой идти, – вовремя вспомнил о существовании супруги Ромашкин и соорудил клятвенную мину. – У тебя всё в порядке?

– Да, – небрежно махнула рукой костюмерша и виновато огляделась по сторонам. – Просто там воду отключили – пришлось ждать. Но зато, пока я ждала, мне раковина такой смешной анекдот рассказала...

– Нет уж! Избавьте! – перебил её Сильвестр Иванович. – У нас у самих тут, знаете ли, такой анекдот, что хочешь не хочешь – обхохочешься. Вы, Миллочка, лучше... кстати, а как Ваше самочувствие?

Миллочка глупо улыбнулась, но в то же время ответственно заверила, что с самочувствием у неё полный порядок.

– Вот и чудесненько, – порадовался за её самочувствие режиссёр. – А нам как раз Ваша помощь нужна. Уж не в службу, а в дружбу, помогите нам всех переодеть.

– Да, да. Сейчас, – с лёгкостью отозвалась костюмерша и включила соответствующий принтер. – Сейчас напечатаю. А откуда у вас столько молока на полу?

Режиссёр только вздохнул таинственно и плечами пожал, но на помощь ему пришёл Парамонов.

– Эксперимент у нас тут! Обучаем пылесос убирать с пола воду.

– Вижу, успешно, – съязвила Миллочка, вытаскивая из принтера первые только что напечатанные брюки. – Сильвестр Иванович, вот... тёпленькие ещё, – протянула она обновку режиссёру. – А почему у вас вода такого белого цвета?

– Это я, простите, таблетку уронил... нечаянно, – оправдался за Парамонова Апполинарий Савельевич и незаметно протиснулся в очередь к принтеру.

– Понятно, – сделала вид, что поняла, костюмерша и выдала очередные брюки Майклу Матвеевичу. – А Вас, Апполинарий Савельевич, надо сначала отсканировать, у меня Ваших размеров нет. Встаньте, пожалуйста, вон в тот кружочек.

Народный артист послушно повиновался, а Милла ловко запустила какую-то измерительную программу.

И тут: «Бац! Хрясть! Бз-з...»

– Есть! Есть! Я его сбил! – моментально просияла физиономия Ромашкина, и даже палка в его руках от радости задрожала. – Сильвестр Иванович, я его сбил! – с энтузиазмом доложил он.

Лицо Ромашкина изобразило давнишнюю неприязнь к различному виду дронов и тут же схлопотало похвалу.

– Молодец, Билл! – первым отреагировал Парамонов, но и режиссёр не остался в стороне, и остальные тоже.

И только супруга не выказала по этому поводу никакой радости. Более того, к всеобщему недоумению, напрочь отказалась его переодевать.

– Посмотрите на него, две капли попало, и сразу переодеваться. Ты у нас вообще в штате не числишься!

– Я не понял! – высказал, было, Билли своё недовольство, но ввиду интересности положения своей второй половины акцентировать на этом внимание не стал.

– Дома поймёшь! – намекнула на неприятные последствия Милла и просверлила мужа токсичным взглядом. – Папаша хренов...

Костюмерша неприязненно отвернулась и извлекла из принтера обновку для народного артиста.

– Вот. Примерьте. Не обожгитесь только...

Апполинарий Савельевич аккуратно выдернул из рук костюмерши рубашку с рюшечками и удивлённо скривил лицо.

– Это что, мне?

– Вам.

– Так это же женское...

– Почему женское?.. Ой! А Вы что же?.. Прямо в шариках сканировались?

Народный артист соорудил скорее обиженное лицо и перенаправил взгляд на режиссёра.

– Сильвестр Иванович, это что?.. Шутка? Я должен это надеть?

– Давай, давай, сволочь! Совсем обленился! – подключился к проблеме Парамонов.

Подключился, но сразу же от неё отключился, едва ощутил на себе все до единовозможного взгляда.

– Чего вы на меня так смотрите? – и снова повторил куда-то под стол. – Давай, давай, сволочь! Хватит уже сканировать! Мы по твоей милости сейчас три нижних этажа... слушайте! А что, если в молоко налить этой... как её?.. «Чимбы-намбы».

И тут же проследовал к кофемашине.

– Ради бога, Апполинарий Савельевич, – первым опомнился режиссёр. – Не принимайте близко к сердцу. Это он не Вам – это он пылесос так воспитывает. Сейчас Миллочка всё поправит. Милла Герасимовна, ну что же Вы стоите?..

Но до тех пор, пока звукорежиссёр тайком не прыснул от смеха в ладошку, обстановка так и не разрядилась, а Парамонов так и оставался предметом пристального внимания.

В конце концов, обстановка потихоньку смягчилась, зажужжал пылесос, наконец-то признав разлитое по полу молоко пригодным лишь для утилизации, а костюмерша при помощи нехитрых манипуляций уменьшила народному артисту грудь аж на целых четыре размера.

– Ну вот. Через пару минут всё будет готово, – подозрительно улыбнулась она и незаметно подкинула ассистентке. – Вы тут переодевайтесь, а мы с Эльзой пока в коридоре подождём.

И обе выехали в коридор.

Едва дверь за ними закрылась, Эльза тут же налетела на костюмершу.

– Ну, давай, рассказывай! Чего там у тебя? Кстати, поздравляю!

Но Миллочка принимать поздравления повременила.

– Не здесь! – заговорщицки процедила она, и местом приёма была назначена лестничная площадка.

Тут-то и выяснилась странная штука.

– По какому поводу поздравления? – начала издалека костюмерша, поставив собеседницу в неловкое положение.

– Как, по какому? – на всякий случай осторожно уточнила она.

– Вот и я бы хотела это знать, – присоединилась к любопытству Милла. – Потому что лично я поводов для поздравления не знаю. Я два раза перепроверила!

– А как же тогда?.. – развела руки в стороны Эльза и всем своим лицом озадачилась. – Может, ты просто ошиблась?

– Да я что, по-твоему, дура, что ли? – вспылила Милла. – И потом, я дура, что ли, по-твоему, рожать! Мне всего двадцать три!

– Ну, такое тоже бывает, – неуверенно предположила Эльза. – Понятно, что рано, но бывает же.

– Это только у дур периферийных бывает! Которые не знают, как противозачаточный генератор включается. Или больных на всю голову. Я лично до тридцати восьми вообще не собираюсь. Я ещё для себя пожить хочу. Кстати, про генератор. Я тебе сейчас такое расскажу! Ты умрёшь от смеха! В субботу мы с Билли занимаемся этим делом, и вдруг из-под кровати как запищит! У противозачаточного генератора батарейки сели.

Тут обе подруги отчаянно захохотали и затрясли в воздухе руками.

– И что? Заменял он батарейки? – задыхаясь от смеха, осведомилась Эльза.

– Не-а... кончились. А пока в магазин бегал за новыми – перехотелось.

– А у Эсмеральды, ну, помнишь, с девяносто шестого этажа...

– Это зелёная такая?

– Да! Да, только теперь она лиловая, – поправила Эльза. – У неё вообще! Она же собаку купила охотничью.

– А она что? На охоту ходит?

– Да ты что! Она, знаешь, сколько денег за неё отдала!

– У-у! – завистливо покивала Милла.

– Так вот! Пока она на работу где-то ходила...

– Собака?

– Да нет! Эсмеральда! Так вот! Пока она на работу где-то ходила, а дома не осталось никого – только собака. И тут вдруг из-под кровати тоже как запищит – тоже батарейки кончились... А собака-то подумала, что это кролик... или медведь... Набросилась и перекусила все провода! А они-то пришли – не знают...

– Ой, мамочки, не могу, – сама догадалась, чем кончится дело, Милла и схватилась за недавно беременный живот. – И что?

– Что, что... Мальчик! Хакаюси назвали.

– Как? Хакаюси? – переспросила Милла и одобрительно покивала головой. – Красивое имя.

– Ну, не знаю, – усомнилась Эльза. – Мне больше Хаканаги нравится. Я вот, если буду рожать, то обязательно мальчика Хаканаги назову.

– А ты что, уже собираешься?

– Да сплунь! Я, если хочешь, вообще считаю, что детей рожать – это глупо и старомодно.

– Это точно! – не раздумывая, подтвердила Миллочка. – Меня свекровь уже замучила. Подавай ей внуков, и всё!

– Вот-вот! Совсем с ума посходили! – согласилась в свою очередь Эльза. – Пожить спокойно не дают. Я вообще, если хочешь, считаю, что надо не детей рожать, а сразу внуков.

– Как это? – выпучила глаза костюмерша. – Так разве можно?

– А почему бы и нет? Вот кто, скажи мне, всех больше внуков любит?

– Бабушки, – неуверенно предположила Миллочка.

– Ну вот! – не нашла противоречий Эльза. – Пускай и рожают!

Миллочка задумалась, присовокупив к процессу всю свою бурную фантазию, и быстро сочла идею приемлемой.

– А вообще-то, я тоже так думаю! – уверенно кивнула она. – Чего это мы должны рожать? У нас демократия! Кому надо – тот пусть и рождает! Чего это я должна молодость свою губить. Мне всего двадцать три!.. с половиной!..

Эльза тяжело вздохнула и с завистью посмотрела на подругу.

– Хорошо тебе – двадцать три, а мне уже тридцать пять. Эх! Как летит время.

– Да! Точно! Наверное, все уже переоделись. Поехали?

– Поехали, – ещё раз вздохнув, согласилась Эльза. – А Ромашкину-то что скажешь?

– Не знаю. Дома разберёмся...

Глава 4

Въехав в студию, обе барышни несколько удивились, потому как застали кавалеров уже переодетыми, а полы протёртыми и высушенными. Даже Парамонов, на удивление, не отчитывал всё, у чего есть антенна или вкручена лампочка, а наоборот – восторгался.

– Оказывается, можете! Можете!.. когда захотите... убирать за собой...

Народный артист стоял в исходном положении, Сильвестр Иванович вносил какие-то правки в сценарий, и только Ромашкин бесполезно расхаживал с палкой по студии, поочередно напоминая всем, как ловко он сбил квадрокоптер.

Наконец, с приготовлениями было покончено, все заняли сообразные места, и прозвучала команда «Начали!»

В этот раз вообще ничего начать не успели. Снова открылась треклятая дверь.

– Доброе утро, – нагло соврал въехавший и вытянул вперёд руку с какими-то красными корочками. – Инспектор отдела дознания транспортного управления полиции капитан Плавцов, – воинственно представился он.

Следом за ним въехали ещё двое: женщина с каменным лицом и погонами лейтенанта и какой-то патрульный сержант с лицом идиота, мечтавшего хоть раз в жизни оказаться на съёмочной площадке. В руках у последнего была ещё и огромная непонятной геометрии сумка противного зелёного цвета и неприятного жжёного запаха.

– А это, я так понимаю, – кивнул в сторону въехавших Парамонов, – и есть те самые пловцы?

– Какие пловцы? При чём здесь пловцы? – не понял капитан.

– Ну как же? – состроил удивлённую мину оператор. – Вы же сами только что сказали, что Вы капитан пловцов. Или я ослышался?

– Плавцов – это фамилия! – грубо парировала барышня с каменным лицом, выкатившись вперёд, но капитан подал знак не нагнетать атмосферу.

– Ничего, ничего. Бывает.

И тут же перешёл к делу.

– Так! Кто здесь главный? – высокомерно поинтересовался он, приподнял на лоб очки и воинственно сжал губы.

Однако, несмотря на всю воинственность, ни страха, ни поклонения капитан не вызывал.

– А тут все главные, – и не подумал испугаться Парамонов, демонстративно зевнул и развалился в операторском кресле. – Вот это, к примеру, главный реквизитор. Это, – указал он за балюстраду, – главный звукорежиссёр... А Вам, собственно, кого надо? Вы на кастинг?

– Мы-ы? – глупо переспросил капитан, но на всякий случай расправил плечи, втянул живот и снял очки совсем.

– Мы при исполнении, – ответила за него женщина с каменным лицом, а сержант ещё и пояснил:

– Тут внизу чей-то квадрокоптер рухнул прямо на мерседес гендиректора. Прямо на солнечную батарею, а та замкнула и как полыхнёт... в общем, с первого по третий шлагбаум всё выгорело...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.